

Музыка нас связала, Майною нашей стала

Стихи и музыка... Музыка и стихи — на авторской странице **ИРИНЫ РУБАШКИНОЙ**.

«Именины мои приходятся на 26 мая — в этот день празднуется память святой праведной Ирины Константинопольской, пострадавшей за почитание икон в первой половине IX века. Как известно, Константинополь был столицей Византии — восточной части Римской империи — и назывался Византием, теперь это территория Турции».

Здесь, у Раки, цветочный обоз отдыхает... А в кельях устали. Кто-то в белом головки у роз отрывает сухими перстами. Так Матрона в войну, говорят, прутья ивы на чётки ломала: сколько в ивовой роте солдат — столько ранок на пальчиках алых.

Деву-старицу ты привечай, протяни чистых рук обещанье. Лепестков, чтоб заваривать чай, мне монахиня даст на прощанье. От святой и шипы взять не грех. Пусть с бутонами внучка, играя, славит Бога за всё и за всех, и за светлую толику Рая.

ДРУГУ

Когда меня оставляют звуки, у струн отнимется молва, к бывлой любви воздену руки: — Друг, помани мои слова!

Идет февраль за жемчугами, на облачении — звезда... Живу движеньем под снегами, стволем единым. И когда я не зачем, я буду рада подспудным медленным огням. Но мы не созданы для ада, близко лежащего к корням.

Стихи сильнее увяданья. Дается верой благодать, роняя жемчугом желанья последним счастьем облетать.

ФОТОГРАФУ СНЕГОПАДА

«Мысль изреченная есть ложь»
Ф. Тютчев

Мысль изреченная гнетёт
Своей законченностью странной.
С последней точкой... нежеланной...

Она надежду отметит —
Сметёт, как сильный снегопад.
Но разве он бывает сильным?
Он просто мягкий и обильный,
Как зачарованный мой взгляд.
А снегопада чародей
Владел искусством светотени —
В оттенках чувств и настроений
Я пропадаю без вестей.
И взлетаю — мысль и весть —
По древу мглы в надежде света.
За снежной силой силуэта
Неизреченный образ есть.

ГДЕ ТЫ, МОЯ ВИЗАНТИЯ?!

Берег турецкий,
берег апостольский,
берег сивиллы.
Здесь я — рентгеновский снимок,
горючая личность.
Цвета индиго мой сон
тектонической силы.
С неба растёт
сталактитом воздушным античность.

В барах туристы российские —
винные мушкетеры —
горько питаются
вязью зеленого змия.
Сладко бубнит
мой заветный бубенчик на ушко
песню, им чуждую:
«Где ты, моя Византия?»
Все ли погибли ликийцы?
Из винного меха
явится турок,
учившийся где-то в России:
— Чести лишённые,
вам от себя не уехать,
поздно, Ирина,
последняя дочь Византии.

Гордый дымится Византий,
и преданы Миры.
Брошены львам
христиане Восточного Рима.
Гибельный берег ромеев,
империя Лирь...
Имя Романовых — мой барабан!
— Поздно, Ирина...

Выну стихи из огня,
пожалую иконы,
брошу романы со властью
и всё, что имею.
Только империя Лирь
достойна поклона,
только икона имен,
россияне, ромей...

КОНЬ-ВДОХНОВЕНЬЕ

Снился сон: белый конь тонконогий
исчезает в стихах наяву...
Чей же он? В свой приют одинокий
я не жду никого, не зову...

— Повинуясь не зову, но чувству,
я тебя отыщу средь полей,
твоему верховому искусству,
самый светлый из белых коней,
я доверюсь, и будет отрадой
о Земле — неземная строка.
Вдохновение знает, как надо
самому выбирать седока...

А когда в ожиданьи заката
день весенний стоит у дверей,
и вечерним волненьем объята
неразумные души зверей,
уплывет белый конь тонконогий
за туманную в небе межю...
Он — и песня, и сон недотроги,
словно знает: помимо дороги,
я печалью своей дорожу.

НОЧЬ У РОЯЛЯ

Музыка жизни... Учитель...
Лунный на клавишах свет...
Я в ученической свите
С полных пятнадцати лет.
Ввергнув рояль в непогоду,
Старый учитель играл,

Словно морскую пехоту
В бой поднимал адмирал!
Звуки его передали
Нам потрясенье борьбы:
Мы ведь тогда не видали
Доброго шторма судьбы.
Сам ли поставил Бетховен
Шторму возвышенный балл,
В наших ли судьбах виновен
«Лунной» мятежный финал?!
Сердцем рождаемся в звуке,
В первой по Раю тоске,
В музыке, в страстной поручке,
В нежном ее верстаке.

БЕГУ ЗА РЕКОЙ

Как Радоницу запоют
в храмах над ледоходом,
березы в моем краю
ступают по пояс в воду...
Но вдвое выше они
в зеркале отражений.
Полны ледоходом дни,
захватывающим движеньем!
Собор на том берегу,
крестильный мой храм — на этом,
где я за рекой бегу,
едва поспеваю следом.
А воздух звенит готов.
Здесь радость с двух колоколен
врачебницей вещей слов
глаголет над русской долей.
И нет никого в гробах,
и все освятились воды:
меж храмами на холмах
«Аминь» поют ледоходы.

ПОЭЗИЯ — ВСТРЕЧА СО СЛОВОМ

Поэзия — встреча со словом,
Любви вековечное «да»:
Сочувственным смыслом и слогом
Устам отвечают уста.

Сотворчество — невероятно,
Поэта любимого стих:
Душой наслаждаюсь в объятьях,
Летаю на крыльях твоих.

МАРТОВСКИЙ СНЕГОПАД

В этом снегу заблудиться бы можно.
Сосны в молчании слились.
Мы по сравнению с Вечным ничтожны,
Как же в нас держится жизнь?!

Старый хронометр со стрелкой случайной.
Снежный идет человек...
Всё, что живет, окружается тайной,
Легкой и вечной,
Как снег.

Тайна дыхания в духе надежды
Снежной подобна весне:
Март изумляется белым одеждам.
Ты открываешься мне.

УРОК ДОБРА ДЛЯ ОТСТАЮЩЕГО

И число дней моих...
(Из хорового концерта № 32
Д. Бортнянского)

Про городскую сумасшедшую,
про сердце нежное без кожи
жжет песенка, меня нашедшая
в родных краях моих пригожих.
Дружю я с ней.
Глаза отрадные...

Но бил по карим муж бессовестный.
И в общежитие заурядное
она ушла и обособилась.

Сдались ей кошки, добродетельной,
дворовые и тонкорунные,
с персидской ленью, с дымкой пепельной,
одна звенит как семиструнная...
Обед готов голодным мурочкам
на теплотрассе у дороженьки.
На грош последний — супчик в сумочке,
за это — струночки ей в ноженьки.

Под крышей у нее каморочка,
где спальня, там и плитка теплится.
Заслуженная дирижёрочка,
дай нынче у тебя отметить.
Мне хоровой концерт Бортнянского
с тобой давно послушать хочется.
Жилья парфюмы окаянные
не обоняет одиночество.

Нет, кошки — блажь, чересполосица
с большими нотами Бортнянского...
Ты перед хором — мирносоица
из теста раннехристианского!
Ты хоровой концерт Бортнянского
мне разгадаешь как пророчество.
Из башни хрустала стеклянного
видней Отечество как творчество.

Лишь злой сосед пугает мэрией,
упреком совести не мается
и, суеверно в Бога веря,
приют твой выселить пытается.
Начнется ль с кошки сердца таянье,
урок добра для отстающего?
Покой найдут ли паче чаяния
сироты — струночки поющие?

Подруга дней, души излучина,
летишь пред хором
птицей перистой...

И я, как ты, судьбой приучена
на безнадежное надеяться,
на безначальное, ответное,
на эту блажь, на искру Божию,
на муки наши незаметные,
на бесконечность непохожие.

Останься в сердце, безымянная
звезда святого одиночества,
и пой, душа, концерт Бортнянского.
Мы не без рода, не без отчества —
всё в этой музыке сохранное,
и в сердце, только тронь — объявится
число судеб и дней желанное.
Вот как мне твой Бортнянский нравится!

БЛАЖЕННАЯ МАТРОНА В ПОКРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Есть обычай в Москве: на Покров
носят девушки письма Матроне.
Им как будто ответить готов
лик слепой на прозревшей иконе.
День-деньской здесь звучат имена,
ей монахини письма читают.
«Возле пяточек» плачет страна:
— Помоги! Сыновья погибают!

У Матронушки Рака — ларец,
в море жизни узорная зыбка.
Убаюкана стуком сердца,
спит Матрона евангельской рыбкой,
чутко, благостно...

Верится нам,
что за чудом идем со свечами,
и с букетом пожалуйте в храм,
одарите Матрону цветами!